

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ЦЕННОСТИ ТЕХНОКРАТИЗМА

А.В. Миронов

Философский факультет
МГУ им. М.В. Ломоносова

Ломоносовский просп., 27, корп. 4, Москва, Россия, 119991

Предмет авторского рассмотрения — этика технократизма. Ее основные ценности лежат вне теоцентрической и антропоцентрической традиции. Выделение таких ценностей технократизма, как «прогресс», «обладание», «объективность», «заменяемость», «управляемость», «всерешаемость», «прагматизм» (соотношение цена/качество) и «безответственность», позволяет его формализовать и сделать доступным для философского анализа и общественного внимания.

Ключевые слова: технократизм, прогресс, техноцентризм, ценности, философия техники.

В современной европейской этической мысли существует два основания для этики: теоцентрическое (христианское) и антропоцентрическое. Европейский этический релятивизм располагается именно в этом промежутке мнений [1. С. 125—126]. Этим двум основаниям противостоит новая этика — этика технократизма. Процессы глобализации связаны именно с ней. Технологии, научная деятельность, связанное с ними образование стали формировать совершенно новый, в этическом плане, страт людей, отличительной особенностью которых становится технократическое мышление. Существовавшие ранее нормы поведения оказались несовместимыми с научно-техническим прогрессом. Это становится заметно не только в странах традиционной культуры, но и в индустриальных, и даже постиндустриальных странах [2. С. 144, 148, 151]. Постараюсь продемонстрировать третье — технократическое — основание этики и соответствующее ему мышление.

Ценностный мир технократизма является сегодня довольно распространенным и влиятельным. Технократизм не просто ставит в центр мира технику, вытесняя человека, а применяет ценности, сформированные под воздействием науки, техники и технологий к окружающему миру и в межличностных отношениях. В жесткой детерминации производственного процесса, в поражающей воображение мощи техники выкристаллизовалось представление о человеке как подчиненном и обслуживающем технику элементе. Новая технократическая этика, конечно, не сводится ни к этике науки, ни к этосу научного сообщества или этическому

кодексу инженера. Отличие технократической этики в ее отрыве от этих профессиональных групп и охвате широких слоев населения.

Само по себе технократическое мышление имеет много преимуществ перед его иными формами. Во-первых, ему свойственно логичность и последовательность. Во-вторых, при использовании этого мышления привычно и успешно решаются многие практические задачи по созданному ранее алгоритму (экономические, производственные, инженерные и т.д.). В-третьих, технократическое мышление лишено рефлексии о культуре; это позволяет, абстрагируясь от множества внешних факторов, сконцентрировать внимание на главной задаче, упростить ее до вида, поддающегося решению существующими методами. В-четвертых, для такого мышления практически отсутствует различие между живым и неживым; даже скорее, живое должно подчиняться тем же правилам, что и неживое.

Технократическое мышление и его властное проявление (технократизм) не новы. Современная ситуация научно-технического прогресса предоставила технократическому типу мышления возможность максимально реализоваться. «Техника пытается включить в себя науку о человеке, рассматривая его как винтик, как звено, как компонент технической или социальнотехнической системы, как агента, а не субъекта деятельности» [3. С. 191—192] — пишут отечественные психологи о технократическом мышлении. «Технетика (наука о технической реальности — *А.М.*) как бы исключает человека из рассмотрения: если завод построен и работает, то структура установленного оборудования находится в пределах, задаваемых параметрами гиперболического *H*-распределения. Почему-то это вызывает устойчивое неприятие, в отличие, например, от сопроматовского (сопромат — наука о прочности и деформируемости элементов сооружений и деталей машин — *А.М.*) расчета балки на двух опорах, где «примыслить» человека — очевидная нелепость», — пишет представитель рассматриваемого нами вида мышления *Б.И. Кудрин* [4. С. 18]. Подобное описание технической реальности возможно только как определенное приближение к решению некоторых производственных и экономических задач. Но распространение этого метода на общество или сознательное игнорирование влияния социальных процессов на производство превращает технетику в технократизм. Сама техническая реальность неразрывно связана с культурой, социумом и человеком. В зависимости от культурного и социального контекста передовые технологии могут оказаться непригодными или опасными [5]. Таковы, например, проблемы, связанные с распространением ядерных технологий в странах с диктаторскими или нелегитимными режимами, применение опасных производств в странах с дешевой рабочей силой и т.д.

Применение техники и подчиненность мышления человека технологическим процессам не могли не отразиться на его мировоззрении и формировании особой ценностной системы [3. С. 32—33, 188—189; 6. С. 11, 26; 7. С. 10]. Везде, где существует отставание культуры производства от используемых технологий, где передовые технологии заимствуются из-за рубежа, будут возникать эти проблемы. Но и в развитых странах новые технологии вызывают изменения, к которым общество не может адаптироваться с необходимой для безопасного их использования быстротой. Таким образом, технократизм находит широкое поле для своего применения, не только ускоряя процесс модернизации общества, но и загоняя

это общество в тупик экологического и социального кризиса. Опасность технократизма — в постоянных попытках скрыть существующее подчинение человека технологиям, а также упростить реальные проблемы. Сила технократизма в убедительности и в простоте обоснования происходящего; слабость в невозможности регулярно выводить технократическое мышление на новый уровень, адекватный возникающим проблемам (например, глобальным экологическим проблемам современности). Описывая ценностный мир технократического мышления, В. Зинченко и Е. Моргунов пишут: «Информация стала подменять знания, память — понимание, составление планов и программ — формирование образа наличной ситуации и ее возможных изменений, их осмысление и осознание; эмоции, аффекты и амбиции стали возникать вместо интеллектуальных чувств, творческих переживаний, милосердия; ученые доспехи стали не пускать на порог науки реальные научные успехи, наконец, посредственное образование стало подменять культуру» [3. С. 188—189]. Разум, зараженный технократизмом, погружен в лапласовский детерминизм происходящего. Он не созерцает, не удивляется, не рефлексит в обыденном понимании. Он стремится сделать мир адекватным своим представлениям о нем, а не наоборот. Вся мощь техники, вся проникновенность и взаимосвязь технологий на его стороне [8. С. 171—174].

Распространение этики технократизма — один из важнейших процессов глобализации, имеющий отношение как к формированию новой культурной идентичности, так и к разрушению старых представлений народов о самих себе. Источником системы культурных ценностей выступает теперь для человека не общество в целом (с трансляциями старых идеалов), а узкоспециализированная профессиональная группа, к которой по образованию и роду деятельности принадлежит данный индивид. Сформированная в рамках профессионального сообщества этика тяготеет к общей, «вненациональной», «надкультурной» основе. Так как многочисленные профессиональные этики имеют ограниченную область применения, то объединение достигается вынесением «человека» за скобки. Объединительной и общей основой выступают технологии. Именно этой системой (очень примитивной по отношению к национальным культурным идеалам) объясняется псевдоэтическая нейтральность, долгое время приписываемая технике и технологиям, а еще раньше науке. Вовлеченные в технологии люди оказываются вне этических норм общества. Их деятельность оказывается неподконтрольной обществу, а следовательно, этически индифферентной с точки зрения принятых норм. На фоне требований существующих культур новое основание этики представляется ценностно безликим. Только развитие общества, идущее вслед за технологиями, позволяет взглянуть на новые нормы с позиций общества как целого. Но такое запаздывание становится все более разрушительным как для внешней, так и для внутренней среды обитания человека.

Для технократического мышления свойственно пренебрежение духовными запросами и потребностями человека, игнорирование биологически обусловленных и психических процессов или, наоборот, их безудержная эксплуатация (в рекламе, политике и т.д.). Необходимо обратить внимание как на аргументацию, так и на терминологию, используемую технократически мыслящими людьми. Трудно согласиться с мнением В.П. Зинченко, считающего, что для «технократического

мышления просто не существует категорий нравственности и совести; нет сознания ответственности и чувства вины» [10]. В действительности мы имеем дело с ценностной ориентацией, альтернативной традиционной этике. Просто понятия этой ценностной альтернативы оказались вне координат старой культуры и поэтому долгое время оставались неформализуемы. Как в теоцентризме, так и в антропоцентризме есть место человеку, но в техноцентризме человек тождественен машине и является не частью мироздания, а фрагментом технологий, придатком технического устройства, неразличимым на фоне иных деталей, механизмов, процессов. В своих основах технократическая этика и мышление похожи на новую парадигму, как ее описывал в психологических терминах гештальта Т.С. Кун [11].

Опасность техноцентризма заключается в присущей его природе способности противостоять живому, противопоставлять искусственное природному, подчинять все своей власти, игнорировать биологические факторы или безудержно их эксплуатировать. Технократическое мышление порождает опасность самоуничтожения как самого носителя, так и объектов его деятельности, что проявляется в экологическом кризисе, охватившем гео-, био-, социосферы, а также психический мир человека. Экологические проблемы не могут быть разрешены в рамках технократического мышления, обусловившего само возникновение этих проблем и перенос их в среду социальных и межличностных отношений, во-первых, потому, что мы никогда не будем знать всех факторов, влияющих на эти процессы, а, следовательно, никогда не сможем рассчитать последствия своих действий; во-вторых, потому, что процессы, протекающие в био-, гео- и социосферах, подчиняются законам самоорганизации, которые не позволяют предсказать направление развития системы после прохождения кризисных точек (точек бифуркации); в-третьих, воздействие на такие сложные самоорганизованные и инерционные системы порождает противодействие, направленное на ослабление внешнего воздействия. Для психического мира человека доминирование искусственного и подавление спонтанного оказывается так же разрушительным. Опасность технократического мышления — в игнорировании любых, неподдающихся расчету, факторов.

Вера в научно-технический прогресс стала основой технократизма. Но ценность «прогресса» в координатах технократизма не идентична вере ученых в познаваемость мира. Выдающиеся ученые, определяющие своими открытиями развитие человечества, как раз отдают себе отчет в сложности процесса познания. Но огромная масса приверженцев этики технократизма лишена скептической составляющей. Для них предпочтение будущего настоящему и прошлому — это часть мировоззрения. Ценность «прогресса» охватывает и веру в прогресс общества. Эта ценность уже не может базироваться на научных основаниях. Она опирается на эксплуатируемое экономикой желание человека жить все лучше и лучше, причем удовлетворение этого желания должно осуществляться постоянно. Альтернативная ценность «стабильности» несовместима с технократической этикой. Примером является попытка породить модель «устойчивого развития» — взаимоисключающий сам себя термин, который в первую очередь отвечает ценности «прогресса», а маскирует эту ценность антиномия «стабильности». Ценность «обладания», рассмотренная Э. Фроммом, противопоставлялась ценности «бы-

тия» [12]. Теперь ценности «иметь» или «быть» уже не конкурируют. Общество потребления возможно только как общество, пронизанное доминантной ценностью «иметь», и это означает для этого типа общества «быть».

В технократической этике существует тождественность нравственно допустимого и технически возможного [13. С. 136], собственно говоря, неразличение живого и мертвого. В этом аспекте технократическое мышление отличается от «характерологической некрофилии», предложенной Э. Фроммом [14]. Технократ знает, что есть живое и неживое, но не видит причин, по которым живое не должно подчиняться железной воле и рациональной логике. В профессиональных группах, связанных с технологическими процессами, стратегия «иметь» получает широкое распространение, а при помощи технологий масс-медиа распространяется на все общество (например, шоу «Фабрика», где из «полуфабрикатов» делают поп-звезд). Таким образом, специфические этические нормы применяются шире, чем ограниченная по численности социальная группа профессионалов.

Ценность «объективности» основывается на развитии науки, претендовавшей на «объективную истину». Но если философия науки уже показала необоснованность этой претензии, то в технократической этике ничего подобного не произошло. Объективность снимает ответственность с человека. Она, объективность, неумолима и всепокрушительна. Вот только сама «объективность» в технократической этике становится субъективной. Человек как мера объективности, а наука, как арбитр этой объективности — вот истинное значение ценности «объективности». Наука и научное знание неотделимы от определенных групп ученых, несущих и применяющих данное знание. Все существующие альтернативы в научном знании связаны с различными группами ученых. Технократическая этика позволяет опираться исключительно на те группы ученых, которые поддерживают выгодную точку зрения. Этическая проблема выбора и обоснования поступка сводится в технократизме к выбору группы ученых, способных обосновать и поддержать уже сделанный выбор. Если таковой группы не существует, то она создается при помощи финансового или иного фактора. Опора на группу ученых придает ореол объективности и беспристрастности, а возможные альтернативы отвергаются как «субъективные». Ценность «объективности» в технократической этике иная, чем в традиционном, сформированном наукой смысле.

Ценность «заменяемости» имеет свои корни в инженерной деятельности. Стандартизация, сыгравшая важную роль в научно-техническом прогрессе, была в технократической этике перенесена на общественные отношения. Слова И. Сталина «незаменимых у нас нет» адекватно отражают данную ценность. Действительно, человеческое общество во многом зависит от субъективных и индивидуальных особенностей отдельных личностей. Для Запада ценность «личности» всегда была доминирующей. Удивительно, что эта ценность активно заменяется другой, в которой «ценность личности» сохраняется лишь как популярный «бренд». Личность в западной системе образования давно заменена результатами тестирования. Модель изучаемой личности создается на базе «объективных» данных, полученных при помощи стандартных вопросов. В протестантском обществе,

как это показал М. Вебер, объективным критерием личности является успех. В случае поражения личность заменяется другой, а общие социальные функции сохраняются. Таким образом, «заменяемость» служит необходимым условием существования общества потребления и обеспечения экономического и научно-технического прогресса. Примером доминирования ценности «заменяемости» в процессе образования может служить Болонский процесс, к которому недавно примкнула и Россия. Важна не конкуренция систем образования и достижений конкретных личностей, а взаимозаменяемость элементов образовательного процесса.

Ценность «управляемости» отражает страх общества перед экономическим и политическим крахом. Последствия доминирования ценности «управляемости» над ценностями «свободы», «демократии», «личности» и др. означает, что без «управляемости» невозможна их реализация. Таким образом, «управляемость» становится определяющей и доминирующей во внутренней и внешней политике, экономике.

Ценность «всерешаемости» означает то, что все проблемы будут разрешены уже существующими средствами, путем дополнительного финансирования и привлечения специалистов. Эксплуатацией ценности «всерешаемости» наполнен американский кинематограф. Прекрасными иллюстрациями могут служить фантастические фильмы. В них любая, подчеркиваю, любая проблема будет решена в кратчайший срок (обычно запускается таймер с обратным отсчетом времени), при помощи уже существующих технических устройств и технологий. Ценность «всерешаемости» выросла из ценности «индивидуализма» и опоры на собственные силы, но приобрела в симбиозе с ценностью «объективности» и «заменяемости» особые технократические черты. «Всерешаемость» вместе с «объективностью» не позволяют раздумывать над выбором стратегии, как и все ценности и императивы технократизма. Проблема оправдания снята, она и не может возникать, коль все может быть решено, а любое ошибочное действие исправлено. В случае возникновения «человеческого фактора» (технократический термин) происходит замена одного индивидуума на другого.

Ценность «безответственности» возникает из иного соединения «объективности» и «всерешаемости». Действительно, каким образом можно нести ответственность, если у человека не остается выбора, сами объективные условия диктуют ему определенное поведение. Начиная от теории «классовой борьбы» и до сего дня объективные факторы снимали с политиков и ученых ответственность за свои действия. «Объективность» порождает безответственность. «Всерешаемость» требует от человека действий. «Безответственность» порождает инструкции, выполнение которых снимает ответственность со всех участников социального действия. Для технократической этики документирование регламента социальных действий — это способ разрешения любых этических конфликтов. В этом сила и слабость технократической этики. Само распространение ценности «безответственности» в обществе породило этику ответственности как попытку противостояния [15]. В обществе с развитой ответственностью сама постановка проблемы «ответственности» невозможна как неактуальная.

Ценность «прагматизма» в технократической этике проявляется как соотношение затраты/результат (цена/качество). Именно таким образом происходит оценка и прогнозирование последствий технократической деятельности самим носителем подобной формы мышления. Такая рациональность чрезвычайно поверхностна и применима только в некоторых экономических и житейских ситуациях, но не в глобальном масштабе (даже в экономике, не говоря о других сферах человеческой деятельности).

Для этики технократизма свойственно игнорирование традиционных ценностей «добра» и «зла», «нравственности» и других ценностей теоцентризма и антропоцентризма. На смену этим традиционным ценностям пришли новые ценности. Каждая новая этическая система давала что-то новое своим сторонникам. Теоцентризм подарил чувство вселенского единения людей под эгидой Бога. Антропоцентризм разорвал путы религии и освободил человека, дав ему чувство свободы и ответственности. Технократизм освободил человека от «химеры ответственности», подарил надежду на непрекращающееся улучшение условий жизни и разрешение всех существующих проблем. Подобно антропоцентризму, приведшему в тупик абсурда, технократизм привел к экологическому кризису. Как на путях гуманизма невозможно обрести смысл человеческого существования, так и технократическими методами невозможно разрешить экологические проблемы в био-, гео-, социосфере, а также проблемы личности.

В перечисленных свойствах технократического мышления скрыт и его «могилищик» — утопизм. Неадекватность технократизма миру — вот причина, по которой необходимо противостоять технократическому мышлению. При этом не нужно мифологизировать технократизм, представляя его характеристики как абсолютный набор свойств, присущий любому мыслящему технократу. Также опасно считать технократизм глобальным и неустранимым Злом. Рационализм, как стремление к адекватности построенных моделей окружающей действительности, постоянно указывает технократу на ошибочность его конструктов. Ставший народной поговоркой крик души: «Хотели как лучше, а получилось как всегда!» отражает реакцию человека, облеченного властью, на результаты собственного дела. Он всегда стремится сделать как лучше, и при этом искренне не понимает, почему получается иначе. Технократ не может не любить и не ценить свое дело и полученные им результаты, ибо он не патологичен и не деструктивен, в смысле Э. Фромма. Поэтому технократу (но не всем и не всегда) возможно кое-что объяснить. Для этого необходима рациональная конструкция, достойная его внимания и адекватная его мышлению; рационализм, как стремление к адекватности построенных моделей окружающей действительности, указывает технократу на ошибочность его конструктов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Хен Ю.В. Евгенический проект: «pro» и «contra». — М., 2003.
- [2] Иноземцев В.Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество // ОНС. — 2001. — № 3.

- [3] *Зинченко В.П., Моргунов Е.Б.* Человек развивающийся. Очерки российской психологии. — М., 1994.
- [4] *Кудрин Б.И.* Еще раз о третьей научной картине мира. — Томск, 2001.
- [5] *Мионов А.В.* Техноэтика: ответ на актуальные проблемы перехода к устойчивому развитию // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. — 2004. — № 3. Эту и другие мои публикации см.: www.t-e.nm.ru
- [6] *Козлов С.В.* Наука и нравственная ответственность ученых. — М., 1998.
- [7] *Мясищев Л.А.* Экономика постмодерна и отношения собственности // Вопросы философии. — 2002. — № 7.
- [8] *Мионов А.В.* Техноэтика как перспектива социально-гуманитарного знания // MONSTERA (Философские проблемы социально-гуманитарного знания): Сб. науч. ст. — Вып. 4. — М., 2004.
- [9] *Гончаров В.П.* Геном и клонирование человека (философский аспект). — М., 2002.
- [10] *Зинченко В.П.* Рассудок и разум в контексте развивающего образования // Человек. — 2000. — № 4, 5.
- [11] *Кун Т.С.* Структура научных революций. — М., 1977.
- [12] *Фромм Э.* «Иметь» или «быть». — М., 1990.
- [13] *Коновалова Л.В.* Прикладная этика (по материалам западной литературы). — Вып. 1: Биоэтика и экоэтика. — М., 1998.
- [14] *Фромм Э.* Адольф Гитлер: Клинический случай некрофилии. — М., 1992.
- [15] *Йонас Г.* Принцип ответственности. — М., 2004.

THE VALUES OF TECHNOCRACY

A.V. Mironov

Philosophical departmen

Moscow State University M.V. Lomonosov

Lomonosovsky prosp., 27, corp. 4, Moscow, Russia, 119991

A new ethics of technocracy is forming in a modern globalized society. Its main values are out of the theocentric or anthropocentric tradition. Separation of such values of technocracy as progress, possession, objectivity, substitutability, manageability, all-solvability, pragmatism (quality-price ratio) and irresponsibility allows to formalize this ethics and makes it accessible for philosophic analysis and publicity.

Key words: technocracy, progress, technocentrism, value, philosophy of technics.